

Юра услышал стук в стенку. Мальчик давно проснулся, но вставать не хотелось. Да и зачем? Дрова у него кончились, топить печь нечем, а на дворе пасмурно, холодно, хотя заканчивался апрель. Бежать в магазин незачем: вот уж неделю он живёт без хлебных карточек, а без них — голод. Мама у него в больнице. Она раздробила на пилораме бревном ногу и теперь не скоро встанет. Больница далеко, в городе, Юра туда не дойдёт, чтобы проведать маму.

Юра обрадовался стуку: его звали завтракать. Он поднялся, натянул штаны, сунул ноги в мамины валенки и пошёл к соседу. Юра знал, что у дяди Миши в комнате — шаром покати. Он инвалид войны, без одной ноги и пропил свои хлебные карточки, теперь голодует вместе с Юрой. Знать, что-то раздобыл, коль стукнул в стенку.

Юра отворил дверь, вошёл.

— Проходи смелей, Юрок, будем есть гуляш из сыромятного ремня, погляди, даже блёстки жира плавают.

Юра подошёл к печке. От неё несло теплом. Дядя Миша сидел на стуле и грел свою культю. Она у него постоянно мёрзла, хотя завёрнута в овчину. Дядя Миша деловито помешивал ложкой плавающие в сковороде желтоватые кусочки. Никаких блёсточек жира Юра там не заметил.

— Это гуляш? — Юра недоверчиво покосился на вапево.

— Гуляш, Юрок, из поросычьей кожи. В молодости едал сало со шкуркой — ох как вкусна!

— А хлеб есть?

— Хлеб, Юрок, будет, когда фашистам все рога обломаем. Тогда и хлеб будет, и гуляш настоящий.

Юра представлял рогатых фашистов по картинке из книжки. Он думал, что фашисты не люди, коль у них рога. Крепкие, как у бугая колхозного, что ходит с коровами. Такие рога обломать непросто, да ещё, поди, железные. Юра боялся спрашивать дядю Мишу, какие из себя фашисты. Но знал: злые, свирепые нелюди.

— Да какие ж они люди, коль фашисты?! И никогда людьми не будут. Вон сколько из-за них людей полегло, а сколько голодает. На-ка, попробуй гуляша.

Дядя Миша подцепил ложкой разопревшие в кипятке кусочки, бросил их в чашку и подал Юре. Сам, обжигаясь, тоже прямо со сковороды, дуя на гуляш, отправил в рот несколько кусочков, принялся жевать. Но гуляш не жевался и был твёрд, как обыкновенный сыромятный ремень. Все зубы сломаешь.

— Он не жуётся, — сказал Юра.

— А ты его глотай, в наших желудках даже камень переварится.

Юра попробовал проглотить несколько штук, получилось, но его затошнило. Он отставил чашку и сказал:

— Лучше бы ты не пропивал карточки, тогда бы ели хлеб и консервы.

— Что ж поделаешь, Юра, душа не сдюжила такой жизни собачьей. Картошка из твоего подполья лучше гуляша, но ведь и её всю съели.

— Всю, я вчера лазил в подполье, одни глазки остались, а они ядовиты. Сам говорил.

— Ядовиты, помрёшь.

Юра постоял возле печки, грея спину. Потом натянул пиджак и пошёл на улицу по тёмному коридору. Он торопился, шоркая валенками по полу, его сильно тошнило. Малый успел выскочить из коридора на высокое крыльцо, его охватило свежим апрельским ветерком, из Юры выскочили ремённые кусочки. Во рту стало горько и противно. Он ухватился за перила крыльца и стоял, качаясь, вместе с низкими апрельскими тучами. У него закружилась голова,

он едва устоял на ногах. Под носом вдруг стало мокро, он лизнул губу языком и понял, что это кровь. Голова продолжала кружиться пропеллером истребителя, вырезанного из полена дядей Мишей. Чтобы не упасть, Юра медленно опустился на грязную ступеньку крыльца и вытер рукой кровь. Посмотрел на ладонь, её было много, и она продолжала бегать. Юре стало жаль себя, на глазах навернулись слёзы, но он крепился, вспоминая слова отца: «Юра, как бы тебе ни было трудно, не гнуси. Ты — мужчина!»

Отец Юры работал на военном заводе и редко появлялся дома. Пешком шагать из города в посёлок на Бадалыке далеко, на попутной подводе не всегда удаётся. Простоишь на дороге с поднятой рукой, а когда отдышаться, если работать стали по шестнадцать часов в день? Питались в заводской столовой. Пища была постная, порции маленькие, хватало только «заморить червячка». От недоедания и напряжённой работы у станка стали пухнуть ноги. Ослабевших рабочих отправляли с завода домой на поправку. Но как мог дома поправиться отец, если его мобилизовали из сельских мастерских на завод и поселили в общежитие? Он не захотел оставлять семью в опустевшем посёлке и привёз в город. Но квартиры там не нашлось, их поселили в барак. Сорок третий год оказался неурожайным, уставшая от войны страна сильно недоедала. Осенью удалось выкопать в огороде картошку, привезти сюда да купить немного муки.

Мама Юры, как и все женщины, выполняла тяжёлую мужскую работу, но зато получала продовольственные карточки. И вот мать изувечилась, надолго попала в больницу. Мальчишка остался один. Как он там сейчас, бедствует? Обедая, отец всегда думал о сыне: ел ли он что, присматривают ли за ним соседи? Самый раз повести разговор с начальником цеха, чтобы пойти домой на поправку. Ноги его уже не держат и почти не ходят. Лучше ли будет, если всем откажут и он свалится на больничную кровать?

Юра сидел на крыльце, запрокинув голову назад, с зажмуренными глазами, унимая бегущую кровь.

— Ай, кто это тебе по сопатке врезал? — услышал Юра испуганный голос Ильки.

Он жил с бабушкой и двумя сестрёнками с другой стороны Юриной комнаты. Сосед. Илька был старше на два года, даже учился в своей деревне в школе, но выглядел заморышем.

— Никто не врезал, — Юра открыл глаза, покосился на Ильку и увидел на опояске его халата двух подвешенных сусликов. Они были жёлтые и пушистые. — Кровь сама пошла из носа. Дядя Миша кормил меня гуляшом из сыромятного ремня, меня вырвало, вот кровь и пошла. От голодухи.

Илька ничего не сказал, убежал домой и через несколько минут снова появился возле Юры.

— Пошли к нам, бабушка сказала, есть будешь с нами. Твоя мать зимой давала нам картошку.

Юра удивился: чем же они будут его кормить, если Илькина семья и вовсе бедная? Они калмыки. Жили в степи недалеко от Волги. Калмыков зимой привезли в вагонах в Красноярск, Ильку поселили в этот барак. Отца сразу же с поезда забрали на лесоповал. Мать устроилась на пилораму, но и её через месяц отправили в трудовую армию. Бабушка умела вязать из козьей и овечьей шерсти носки, варежки. Но шерсти не было. Она распускала поношенные джемперы и носки, добавляла в шерсть холщовую нитку с катушек, вязала новые носки и варежки. Меняла на муку. Вскоре менять стало нечего, тогда бабушка пошла на пилораму отгрести от рамы опилки, дежурить на проходной. За это ей давали одну продовольственную карточку на четверых. Что же можно съесть в такой нищей семье? Юра отказывался. Илька тянул его за рукав и говорил:

— Весна пришла, теперь не помрём, я — охотник. Отец научил ставить капканы на сусликов.

Юра не знал, что сусликов едят, поморщился, с трудом поднялся и пошёл за Илькой.

— Я пойду умоюсь, потом приду, — сказал Юра.

Юра долго копошился возле ведра, смывая засохшую кровь из-под носа и со щеки, тёр грязные, покрывшиеся

цыпками руки. Пустой желудок гнал его к Ильке, но ему было неловко становиться лишним едоком, особенно смущала Улана. Она была его ровесница, помогала бабушке прясть нитки, вязать носки. Она зарабатывала на хлеб, а он, Юра, ничего не мог заработать, к тому же потерял карточки. Дядя Миша говорит, что он не потерял, их выкрали из кармана, когда он стоял в очереди за хлебом. Юра помнит, что карточки лежали в кармане, а когда подошла очередь, он хватился, стал искать и не нашёл.

— А, ты забыл карточки, — сказала продавец, — беги домой, носи одну, я отпущу тебе без очереди.

— Я помню, карточки были в кармане.

— Сколько же их было?

— Все до конца месяца.

— Зачем же ты их сгрёб все, бестолочь? — осердилась продавец.

— Я хотел взять консервов. Их сегодня выдают?

— Выдают, только на что выдавать?

Юра молчал, невольные слёзы наполнили его глаза и покатались по щекам. Юру оттеснили от прилавка. Кто-то сказал зло и обидно:

— Москва слезам не верит, нечего распускать нюни.

Убитый и голодный, Юра поплёлся домой. Он не до конца понимал, что с ним случилось. Как же он оплошал, не послушал маму! Когда её увозили в больницу, она не велела брать с собой все карточки. Сначала он так и делал. Но в один день выдавали, кроме хлеба, консервы. Он так любил их в томатном соусе. Пока Юра сбегал домой, отрезал карточку, вернулся, выстоял очередь, консервы кончились. Потому-то в тот день Юра взял все, что остались. И какой-то злодей их спёр!

Юра зашёл к дяде Мише пожаловаться на вора, но тот, как и вчера, был пьян, а на подоконнике лежал только один камень и не сторожил хлебные карточки.

Юра спросил, где же эта драгоценность, потому что дядя Миша был должен: мальчик трижды приносил инвалиду-фронтовику хлеб по своим карточкам. Теперь он хотел попросить дядю Мишу вернуть долг.

— Пропил я все карточки, Юрок. Получил с родной стороны письмо. Ты же знаешь, мои были под рогатым фашизмом. Нет, отвечают, теперь такой деревни. Сожгли рогатые. Люди разбежались. Кто уцелел, кто погиб — неизвестно. Вот оттеплет, поеду, может, свою кровинушку отыщу.

Юра знал, что дядю Мишу привезли в Красноярск год назад из-под Сталинграда. Он долго лежал в госпитале, а теперь вот здесь мыкает горе, жалеет, что не может и дальше обламывать рога фашистам, а жить без родного семени не может. Ещё в госпитале дядя Миша получил медаль «За оборону Сталинграда», омывал её горькими слезами и водкой.

Стесняясь, Юра вошёл в комнату к Ильке. В ней было тепло, в нос ударил мясной запах: на топящейся печке сидел ведёрный чёрный чугунок и паровал мясной похлёбкой. Юра в нерешительности остановился у порога, к нему подскочил Илька и сказал бабушке на своём языке:

— Бабушка, это Юра.

Бабушка всё знала про Юру, про папу и маму, особенно про выкраденные карточки. Сгорбленная трудом, морщинистая, с тёплыми чёрными глазами, она подошла к Юре, погладила его по голове, прижала к груди и повела, усадила на Илькину кровать. На столе лежала мелко нарезанная самодельная лапша. Она вкусно пахла поджаренным тестом, потому что бабушка, как и мама, подсушивала раскатанный огромный сочник на горячей плите. На лепёшке пузырились шишечки, подпекались и лопались. Юра любил сколупывать эти поджарки и есть. Потом мама сворачивала лепёшку в трубку, клала на доску и ловко чикала лапшу. Изрежет трубку и лапшу в такой же чёрный, только вдвое меньше, чугунок с кипящей водой, где уже разваривается картошка. Потом готовит за жарку на сковороде с постным маслом и луком, бывало и с черемшой для остроты. Такая лапша редкость, но всегда на радость едокам, главным из которых был, конечно же, Юра.

Мальчик уселся на деревянную кровать, застеленную мягкой и тёплой кошмой. У Юры такой нет, у него на кровати ватный матрас и стёганое одеяло. По ту сторону стола

тоже кровать. Не кровать, а целые полати. На ней спали бабушка и сестрёнки. Стол был низкий, вровень с кроватями. Бабушка подхватила пригоршнями кучку лапши и высыпала в кипящую воду. Надо бы ещё, чугунок-то вон какой пузач, десять таких пригоршней бабушкиных вместит. Но нет больше муки на сегодня. Завтра ещё день будет и послезавтра, такой же голодный.

Зажарку бабушка не делала — нет луку, нет жира. Искрошила пучок Илькой набранного на сопке прошлогоднего дикого лука и тоже бросила в лапшу. Через несколько минут бабушка наполнила эмалированное блюдо жидкой лапшой с мелкими кусочками мяса, поставила на стол.

Лапша аппетитно паровала. Ребятишки от нетерпения сглатывали слюнки. Илька тоже. Он сидел в центре стола, как голова семьи. Юра терпел и думал, почему же никто не ест такую вкуснятину, а чего-то ждут. Потом догадался: горячо, обваришь рот.

Бабушка размешала лапшу поварёшкой, достала с полочки пиалы и каждому налила. Юре тоже. Она сказала:

— Алла́, — провела руками по лицу, за ней повторили это же дети и принялись через край выхлёбывать лапшу, обсасывать мясные косточки.

Юра никогда не ел без ложки, но не растерялся, а последовал примеру Ильки. Такой вкусной лапши Юра не ел давно.

На улице Юра спросил Ильку:

— Где достал мясо?

— Мясо сусликов, поймал капканом. Плохо, здесь нет сурков, они большие и жирные. Хочешь, научу тебя ловить сусликов без капканов? Хорошо выливать сусликов водой. Как только он испугается воды, станет выскакивать из норки, тут его надо хватать рукой или накрывать сеткой. Сеткой лучше: не укусит. Научу ставить петли. Попадает, но не часто: он хитрый, обходит петли.

— Научи. Мне надо дожить до мамы или папы и не помереть.

Назавтра, пошатываясь, Юра шагал по косогору к норкам сусликов. Их было много. То и дело зверьки, став на

задние лапки, замерев, торчали столбиком. Заметив опасность, стремглав бросались к своим норкам, исчезали под землёй.

— Сегодня поставим капканы и петли, — сказал Ильяка, — петли натрём шкуркой сусликов, и ремешки потеряют свой запах.

Ильяка показал, как надо ставить на тропке суслика капкан. В другом месте насторожил петли. Юра учился, сразу не получилось, но он был упорен.

— Почему водой не выливаем? — спросил Юра.

— Вода далеко, тяжёлая. Ты без ведра-то кое-как сюда пришёл. Окрепнешь, начнём выливать. Это верное дело.

Охотились всю неделю. Сначала Юра брезговал снимать шкурки, но Ильяка — учитель строгий, отговорок не принимал. К маю добыли более десятка сусликов. Кинулись угощать дядю Мишу, но он во время их охоты сдал коменданту комнату, получил майские продуктовые карточки, проездные от военкомата и отчалил на свою освобождённую от фашистов родину.

На Первомай с завода приехал на попутной подводе Юрин папа. Ноги его совсем опухли, он едва их переставлял. К радости своей, Юра в этот день был дома, варил полхлёбку из сусликов, заправляя её черемшой. Она росла в лесу. Окрепший на Илькиной и своей добыче, Юра смог вместе с другом сбежать за вкусной черемшой.

— Юра, какое счастье — ты жив-здоров! — воскликнул отец, широко распахивая двери комнаты, улавливая мясной дух. — Никак варишь мясной суп? Где взял? Выдали на карточки?

Юра бросился к отцу, едва не сшиб его с ног и, радостный, что наконец-то появился папа, размазывая кулаком по щекам слёзы, сказал:

— Это Ильяка, Ильяка научил ловить сусликов, он спас меня от голода! Теперь и тебя накормлю досыта!